

В.В. Журавлёв*

V.V. Zhuravlev*

**«Символ спасения»:
репрезентация контрреволюционной
диктатуры в очерках С.А. Ауслендера
об А.В. Колчаке (I)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-9

УДК 94(57)“1917/1922”

Выходные данные для цитирования:

Журавлёв В.В. «Символ спасения»: репрезентация контрреволюционной диктатуры в очерках С.А. Ауслендера об А.В. Колчаке (I) // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 113–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>

**“Symbol of Deliverance”:
Representation of Counterrevolutionary
Dictatorship in the Essays of S.A.
Auslander About A.V. Kolchak (I)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-9

How to cite:

Zhuravlev V.V. “Symbol of Deliverance”: Representation of Counterrevolutionary Dictatorship in the Essays of S.A. Auslander About A.V. Kolchak (I) // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 113–137. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-09.pdf>

Abstract. This publication introduces seven first essays of the prominent writer, special correspondent of the Omsk newspaper *Sibirskaya Rech* S.A. Auslander, “In the Train of the Supreme Governor”. Their contents are of great importance for understanding of the representation of power to the society in the period of Kolchak dictatorship; in particular, of ideological design of such an important event as the trip of the Supreme Governor and Supreme Commander A.V. Kolchak to the front in February 1919.

Keywords: Russian Civil War; counterrevolution; dictatorship; political practices; ideology; discourse; A.V. Kolchak; S.A. Auslander; Siberia; Russian East.

The article has been received by the editor on 30.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В научный оборот вводятся семь первых очерков крупного литератора, специального корреспондента омской газеты «Сибирская речь» С.А. Ауслендера «В поезде Верховного правителя». Их содержание имеет важное значение для понимания практики репрезентации власти обществу в период колчаковской диктатуры, в частности – идеологического оформления такого важного с данной точки зрения события, как поездки на фронт Верховного правителя и Верховного главнокомандующего А.В. Колчака в феврале 1919 г.

Ключевые слова: Гражданская война в России; контрреволюция; диктатура; политические практики; идеология; дискурс; А.В. Колчак; С.А. Ауслендер; Сибирь; восток России.

* **Журавлев Вадим Викторович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора общественно-политического развития, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры отечественной истории Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет; заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин, Новосибирская православная духовная семинария (Новосибирск, Россия), e-mail: vvzh@mail.ru

Zhuravlev Vadim V., Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Department of Russian History of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University; Head of the Department of Humanities, Novosibirsk Orthodox Theological Seminary (Novosibirsk, Russia), e-mail: vvzh@mail.ru

Гражданская война в России 1917–1922 гг. являлась не только столкновением вооруженных сил, партийно-политических аппаратов, социальных и национальных общностей, она имела свое выражение и в идеологической плоскости, представляя собой политический аспект предельного по своей остроте культурного конфликта.

Сергей Абрамович Ауслендер

При этом идеологическое измерение Гражданской войны исследовано крайне неравномерно. Идеологические процессы в лагере революции, возглавляемом большевистской партией, идеократической по своей природе, были в числе актуальных как для советской¹, так и для постсоветской историографии². В наименованиях ряда работ, посвященных контрреволюционному лагерю, также содержится термин «идеология»³. Однако давняя оценка П. Кенеза о том, что «историки объяснили мысли и мотивы белых намного меньше, чем умонастроения красных»⁴, по-прежнему сохраняет свою справедливость. Потребность «переноса центра исследовательской деятельности (по изучению антибольшевистского движения) на культурные фронты познания: поиск культурных смыслов, изучение символов, ритуалов, ценностей, языка, межкультурных коммуникаций»⁵ провозглашена, но проявляется в реальном исследовательском процессе достаточно скромно.

Антибольшевистские идеологические течения периода Гражданской войны на востоке

России представлены прежде всего исследованиями массовой пропаганды как в организационном, так и в содержательном отношении⁶. Конкретных фигур «идеологов» (в том или ином понимании этого термина), принадлежащих их перу ключевых

¹ Русакова Е.М. Идеологическая работа Коммунистической партии в деревне в 1919–1920 гг. Минск, 1969; Щербак В.М. Большевистская агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.). М., 1969; Шилко К.П. Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти: октябрь 1917 – март 1919 г. Минск, 1975.

² Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Соцреалистический канон: сб. СПб., 2000; Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001; 2-е изд., доп. СПб., 2012.

³ Романишина В.Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России, 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; Бучко Н.П. Военная элита белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск, 2009; Кулаков В.В., Каширина Е.И. Идеология и военно-политическая структура Белого движения Юга России (1917–1920 гг.). М., 2010.

⁴ Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. P. 58; Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105.

⁵ Голдин В. Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 7.

⁶ Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2002; Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность. Томск, 2007; Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.): автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011; Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2017; Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 г.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016; Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018.

идеологических и доктринальных текстов, ставших предметом внимания исследователей, совсем немного: имена Н.В. Устрялова (1890–1937)⁷, Р.Ф. Унгерн-Штернберга (1885–1921)⁸, В.А. Жардецкого (1884–1920)⁹ практически исчерпывают список. Оформление идеологических практик и развитие идеологического дискурса, свойственных собственно колчаковской диктатуре – основному антибольшевистскому режиму востока России, до сих пор изучены крайне фрагментарно, в недостаточной степени введены в научный оборот даже важнейшие источники, не решена и задача рассмотрения антибольшевистской идеологии как процесса деятельности конкретных мыслителей и пропагандистов.

Одним из таких авторов был С.А. Ауслендер. Являясь «звездой» литературного бомонда антибольшевистского Омска, выполняя функции «официального пропагандиста» и «персонального хроникера» Верховного правителя, С.А. Ауслендер неоднократно выступал в печати с текстами, посвященными фигуре А.В. Колчака. Ряд из них уже анализировался в других наших публикациях¹⁰.

Сергей Абрамович Ауслендер родился в 1886 г. в семье А.Я. Ауслендера и В.А. Кузминой-Ауслендер. Его отец, выходец из херсонской еврейской купеческой семьи, был членом «Народной воли» и умер в сибирской ссылке. Его мать, из старинного ярославского дворянского рода, была старшей сестрой известного поэта М.А. Кузмина. Учился в Петербургском университете. Автор многочисленных рассказов, в том числе привлекшего немалое внимание цикла новелл «Петербургские апокрифы» (1912 г.). С весны 1916 г. работал по линии Всероссийского земского союза на фронте, в Минской губернии, в августе издал сборник военной прозы «Сердце воина» (Пг., 1916). Летом–осенью 1918 г. Ауслендер выехал на восток страны и через Екатеринбург прибыл в Омск. Здесь он стал автором влиятельного кадетского издания – газеты «Сибирская речь», в качестве корреспондента которой вошел в «пул» приближенных к верхам власти журналистов.

С 8 по 26 февраля 1919 г. С.А. Ауслендер был прикомандирован к поезду Верховного правителя в качестве специального корреспондента с целью освещения поездки А.В. Колчака в Пермь – первый город Европейской России, взятый войсками, находившимися под его командованием.

Его роль в формировании идеологического дизайна поездки Верховного правителя 8–26 февраля 1919 г. была чрезвычайно велика. В издававшейся в Омске газете «Сибирская речь» им были опубликованы две масштабные серии материалов.

⁷ *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris, 1980; *Агурский М.С.* Идеология национал-большевизма. М., 2003; *Устрялов Н.В.* Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб., 1991. № 2. С. 283–338; *Романовский В.К.* Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). М., 2006; *Романовский В.К.* Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2007; *Лысенко Е.А.* История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007; *Козлов А.В.* Национал-большевизм Н.В. Устрялова: истоки, сущность, эволюция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; *Романовский В.К.* Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010; *Романовский В.К.* Деятельность Н.В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6. Вып. 4. С. 288–292; *Романовский В.К.* К дискуссии о внешней ориентации в кадетской партии после Брестского мира: политика «открытых рук» Н.В. Устрялова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 91–96.

⁸ *Юзефович Л.А.* Барон Унгерн: самодержец пустыни. М., 2015; *Белов Е.А.* Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М., 2003; *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011.

⁹ *Хандорин В.Г.* Идейно-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 85–91.

¹⁰ *Журавлев В.В.* Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. стат. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111; *Журавлев В.В.* «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 4. С. 64–70; *Журавлев В.В.* Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35; *Журавлев В.В.* Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

Одна называлась «Из поезда Верховного Правителя» и включала одиннадцать корреспондентских телеграмм, посланных по ходу самого турне и оперативно опубликованных на следующий же день.

Другая серия очерков под названием «В поезде Верховного Правителя», которая представляла собой серию из четырнадцати текстов, публиковалась в газете на протяжении всего следующего месяца, между 1 марта и 3 апреля 1919 г. включительно. Объем очерков колебался от 776 (первый очерк) до 1 454 (четвертый) слов.

Начиналась серия вводным текстом, озаглавленным «Вместо предисловия». Далее следовали две группы, две части серии очерков. Первая была посвящена действующей армии: «Армия», «Кавалеры Святого Георгия», «Кровью запечатлевшие», «На Уфимском фронте», «На Вятском фронте». Армия описывается в них в самых приподнятых тонах, с постоянным акцентом на духовно-рыцарские мотивы – «формулу посвящения в рыцари Святого Георгия», «дети-крестоносцы», «от них ждут чуда невозможного, невероятного и они не обманут ожиданий»; обильно насыщается библейскими цитатами и аллюзиями – «новое вино вливается в старые меха», «делить ризы будто бы навсегда погибшей России».

Эту часть Ауслендер завершает резким противопоставлением: «Но тогда же <...> я вспомнил, что делается в тылу, где так много брюзжащих, не верящих, злорадствующих, где каждый обиженный чиновник или обманувшийся в прибылях спекулянт, или просто желчный ворчун готов интриговать, сплетничать, подло хихикать, бестолково критиковать, создавать “общественное мнение”. И никто не хочет понять, как ничтожны, малы все неприятности, обиды, лишения в сравнении с тем, что происходит в эти дни, когда решается судьба России, когда в последний страшный бой ведет молодые полки Вождь к победе, к Москве, к Петербургу, к России».

Данное противопоставление разворачивается во второй части, посвященной общественности: «Встречи с обществом», «На земских собраниях», «Попытки оппозиции». «Иным казалось, что Верховная власть, облеченная в мундир, не вполне ровно относится к интересам военных и общественным», – эта мысль была ключевым предметом полемики Ауслендера. Общественность описывалась им как слабая, колеблющаяся, и, следовательно, «кто не сумеет работать над строительством государства, тот будет выкинут за борт суровой жизненной необходимости».

Две части, две тематические линии очерков четко маркируют главное напряжение, главный внутренний конфликт противоречивой антибольшевистской коалиции. Кульминация серия достигает в двух очерках – «В освобожденной Перми» и «Казачий круг», где поставленная проблема разрешается при помощи единения общества и военной власти, сопровождаемого эйфорическим состоянием «радости свободы» (понимаемой как свобода от свергнутого большевизма) и «демократизмом жизненным, трудовым, государственно-зрелым». Два завершающих очерка «Печальные курьезы» и «В кают-компании» призваны вызвать у читателя максимальное доверие к публицисту, не скрывающему от него ни острых моментов (естественно, тщательно дозированных), ни бытовой, непарадной стороны официального путешествия. Финалом служат «Выводы», замыкающие ключевые линии и оформляющие главные идеи очерков. Армия – молода и боеспособна, общество – объединилось вокруг новой власти, Верховный правитель – исключительный человек, «живой, действенный символ нашего общего спасения и избавления».

Очерки производили впечатление, требовали реакции, в том числе и по другую сторону фронта: 22 июня 1919 г. известный большевистский деятель В.Д. Виленский-Сибиряков опубликовал в «Известиях» заметку, посвященную деятельности литераторов, работавших на территориях, которые находились под контролем контрреволюционных режимов. «Те, что покрупнее, – отмечал он, – а главное, побойчее, пользуются вниманием атаманов сибирской реакции, поощряются ими. Так, например, Ауслендер пожалован званием лейб-писателя при особе “его величества” Колчака и очень усердно, не за страх, а за совесть торжественно описывает тусклые картины путешествия Колчака по местам расположения

белогвардейских войск»¹¹. Характерно, что, несмотря на саркастическую интонацию, Виленский невольно признавал, что ауслендеровское описание надделено «торжественностью», а сам автор работал на совесть.

На месяц ранее, 11 (28) мая 1919 г., М.А. Кузмин записал в своем дневнике: «Говорят, что Ауслендер при Колчаке. Сибирь, Урал, генералы, молебны, пироги, иконы, поездки. Господи, где все это?»¹². Приведенное перечисление «ключевых слов» довольно точно отражает характерные мотивы репортажей и очерков Ауслендера о поездке А.В. Колчака. Колчаковская пропаганда выходила за ограничения печатного слова и находила свою аудиторию даже в Петрограде.

Существует лишь одна исследовательская статья, затрагивающая эти очерки¹³, она посвящена реконструкции фактов литературной деятельности С.А. Ауслендера. Также в диссертационном сочинении Н.А. Евсиной данная серия очерков анализировалась с литературоведческими целями¹⁴. Что касается исследователей Гражданской войны, то очерки «В поезде Верховного Правителя» практически никогда не привлекали особого внимания. Это неудивительно: с фактографической точки зрения, очерки С.А. Ауслендера – далеко не самый информативный источник о февральском турне Верховного Правителя. Сведения о событиях поездки в них подвергнуты отбору и представлены через призму совершенно определенно окрашенной интерпретации.

В то же время очерки С.А. Ауслендера «В поезде Верховного Правителя» обладают информационным потенциалом другого рода. Они сами по себе являются артефактами определенных политических практик, своим внутренним «устройством» и характером позволяют увидеть важные элементы сознательно формируемого «сверху» идеологического языка контрреволюционной диктатуры. Именно поэтому они избраны как предмет настоящей публикации.

С.А. Ауслендер

В поезде Верховного правителя

I. Вместо предисловия

У меня до сих пор слегка кружится голова и не только потому, что за эти 18 дней пути я привык к мерному колебанию вагонов, привык, чтобы как в сказочном, фантастическом кинематографе проносились то снежные прекрасные горы Златоуста, то стройные ряды полков на широкой площади освобожденной Перми¹, то торжественная театральная зала Екатеринбургa, то мгновенно вспыхивающее огненное маленькое солнце и удар – грозный и веселый, от которого сердце начинает биться сильнее и радостнее: там на пустынном разъезде, где мы стояли в десяти сажнях от нашей батареи, не только от молниеносной смены разнообразнейших впечатлений и от усталости напряженного внимания все заметить, ничего не позабыть, кружится у меня голова.

Когда приходится самому слишком близко подходить к событиям исторической значительности, когда счастливый случай позволяет тебе быть хотя бы просто только молчаливым пристальным наблюдателем тех дней и часов, которые будут отмечены как некие вехи в книге судьбы народа – мучительно трудно собрать все наплывающие мысли,

¹¹ Известия ВЦИК. 1919. 22 июня. № 134 (686); цит. по: Бурлешин А. Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы // Критическая масса. 2006. № 3. С. 313.

¹² Там же.

¹³ Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919): материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37.

¹⁴ Евсина Н.А. Проза С.А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013; Евсина Н.А. Пермь в эссеистике С.А. Ауслендера периода Гражданской войны // Молодая филология: сб. стат. Пермь, 2013. С. 106–111.

все чувства, которыми переполнен, в нечто стройное, соединить обрывки впечатлений, запечатлеть слова, движения, образы и картины.

Это была не только интересная блестящая поездка, это были дни непрерывного напряжения, радостного и волнующего. В образах, еще иногда смутных, расплывающихся, я увидел новую воскресающую Россию, пламенно поверил, что она будет, будет снова великой, свободной и счастливой.

Может быть, я только безрассудный оптимист, позволяющий непосредственным ощущениям заглушать скучный голос холодного рассудка? Но я не умею и не хочу быть ни холодным, ни горячим², я живу, вижу, слышу, чувствую, я не умею из жизни делать отвлеченных схем. В последующих беглых очерках я попытаюсь передать то, что я видел и чувствовал.

Все эти 18 дней пути были днями праздничными, не только потому праздничными, что при встрече играла музыка, улицы были украшены флагами и арками; на всех лицах я видел какое-то праздничное радостное возбуждение, будто исполнялось нечто давножданное, без чего жить невозможно.

Сквозь торжественную чинность парадов и встреч, в улыбках, в выражениях глаз читал я какое-то волнение, какую-то прикованность всех взглядов к тому синему вагону с красной откидной лестницей, перед которой стояли как бесстрастные величественные монументы в своих мохнатых воротниках английские солдаты³, несшие почетный караул при Верховном Правителе.

Каждый день в девять утра наш поезд медленно подплывал к разукрашенной станции, и по вытянувшимся шеренгам солдат и штатских пробегал какой-то ток возбужденного ожидания.

С жадным любопытством разглядывал я каждое утро эту нервную суматоху, эти лица, напряженные от нетерпения что-то увидеть, что-то узнать.

Ни разу не заметил я страха, скуки, официального приема. Нет, это было совсем иное, чем обычная официальная встреча начальства, когда хочется, чтобы скорее кончился пустой обряд, кончился благополучно, без какой-нибудь оплошности, за которую может здорово нагореть.

Наоборот, все тянулись жадно к этому поезду, целый день приходили люди самых разнообразных положений, устремлений, взглядов – генералы, общественные деятели, журналисты, священники, гимназистки, башкиры, всех что-то притягивало, всем что-то нужно было узнать, увидеть.

Это не просто желание Бобчинского⁴ представиться, вылезти вперед, были приходы, письма, совсем наивные, трогательные, искренние, далекие от всякой чопорной официальности.

И вот наступала торжественная секунда какой-то застылой неподвижности, когда проносилась по рядам короткая команда «на караул», и в дверях вагона в своей солдатской шинели появлялась фигура Верховного Правителя.

Сколько раз видел за эти дни я его лицо, ставшее уже таким знакомым, привычным.

Но каждый раз мне казалось оно новым, еще невиданным, такое сосредоточенное, такое четкое в эти солнечные морозные утра, вся великая ответственность, вся напряженность перенесенных и грядущих тягот будто отражались в этих строгих, тонких линиях лица.

Власть – это не радость, не утоление личного честолюбия, это тяжелое, священное бремя, которое надо уметь нести твердо, мужественно и торжественно.

Он знает это хорошо и умеет всех, кто увидел его хотя бы раз проходящим медленно вдоль рядов с взглядом пристальным и почему-то навсегда печальным, умеет заставить всех почувствовать это, почти непередаваемое величие и жертвенную тяжесть власти.

С утра до глубокой ночи – парады, приемы, заседания, обеды, речи, доклады – и никогда я не заметил усталости, невнимательности, небрежности, всегда эта напряженная сосредоточенность и взгляд внимательный, зоркий, печальный.

А потом опять плывут бесконечные снежные поляны, леса, горы, развороченные мосты, станции.

Как всегда, в путешествии что-то соединяет, есть какая-то особая, отделенная от всех жизнь поезда, складываются свои отношения, свои привычки, словечки, много милого, иногда веселого.

Часто кажется, что нет Омска, нет той далекой невозвратной жизни в Петербурге, есть только наш поезд, наша особая, своя жизнь, и кажется, что не 18 дней, а много месяцев прошло с того вечера, когда при морозной луне ехал я на вокзал и волновался, что сейчас попаду в незнакомую, чужую среду, и волновался еще за что-то смутно и тревожно, так как и я ждал от этого поезда, как пермские гимназистки, каких-то ответов, каких-то решений.

Сейчас эта поездка сделала для меня лично многое ясным и твердым.

Попытаюсь передать это, рассказать об этом, хотя у меня все еще кружится голова и в ушах стук мерных и успокоительных колес.

Сибирская речь. 1919. 1 марта (16 февр.). № 46.

II. Армия

Прежде всего, конечно, об армии. Когда я ехал туда, волновала меня мысль, что увижу тех, в руках которых сейчас судьба России, в глазах их прочту, есть ли надежда на спасение.

Три года прожил я на фронте⁵, изо дня в день знал и видел жизнь величественного простейшего героизма, безропотно переносимых, нечеловечески трудных тягот, дышал одним с ними воздухом, узнал и прекрасное, и страшное, и отвратительное, что принесла война.

Много дней волнительной радости и безысходного отчаянья, когда армия таяла, гнила, погибала и, наконец, погибла.

Уже шесть месяцев тому назад, приехав в Сибирь, во многом разочаровавшись, многим ужаснувшись, так как и здесь, в освобожденной России, не нашел я гармоничного единства устремлений, подлинной пламенной любви к родине, уже тогда мне казалось невозможным сном, когда во всех городах, на всех станциях утром, днем, вечером видел я серые шинели, сомкнутые ряды, слышал этот неутомимый счет – раз, два, три...

Как капля долбит камень, так и этот неумолчный счет каждый день, каждый час в каждом самом маленьком городишке долбил эти безнадежно, казалось, затвердевшие камни, завалившие могилу России.

И с каждым днем стройнее становились эти серые ряды, тверже и отчаяннее звучал мерный шаг тех, кому присуждены великое счастье и труднейший подвиг стать освободителями России.

Уже тогда казалось мне совершенно невероятным, откуда столько душевной силы, такой упорной энергии. Ведь все, казалось, погибло навсегда, сколько ужасов, унижений, страданий пришлось пережить, какие силы должны быть, чтобы все позабыть, опять начать сначала, изо дня в день упорной кропотливой работой создавать разрушенное, казалось, до основания.

Когда ехал на фронт, волновала и мучила меня мысль о новой встрече с теми, кому столько надо преодолеть невозможно тяжелого, столько величайшего героизма проявить.

Не пропала ли даром эта напряженная работа шести месяцев, удалось ли не только внешнюю стройность рядов создать, но и дух закалить, воспламенить мыслью героической о необходимости через смерть и страдания пробиться к изнемогающей России.

Признаюсь, что мучительны были малодушные сомнения. Боялся поверить слишком несбыточному.

Приближаемся к фронту. Уже в России⁶. И пейзажи, и постройки, и воздух более мягкий, и снег, ласковыми хлопьями падающий, – все уже не такое суровое, как в Сибири. На каждой станции – длинные, стройные, будто стальными звеньями скованные, цепи боевых полков.

Как зачарованный, не могу оторваться от этих призраков, воскресших и получивших кровь и плоть.

Прежде всего – молодая армия. Солдаты 18 лет, двадцатичетырехлетние полковники, генералы в возрасте от 27 до 40 и сорокачетырёхлетний Верховный Главнокомандующий.

Будущее принадлежит молодости. Только она, самоотверженная, пылкая, сильная, сможет снести все то, что снести почти невозможно.

Смотрю на лица перед выходом Верховного Правителя. Это не испуганные, потерявшие всякий облик человеческий, лица прежних парадов. Много улыбок, чего-то радостного, праздничного, какого-то возбуждения.

И какие-то новые нити протянулись между солдатом и офицером. Вижу такую комическую сцену. Солдат держит винтовку. Отгибает один палец, прорвавший вязаную перчатку. Офицер держится за эфес шашки и выгибает два дырявых пальца.

Оба улыбаются друг другу сдержанно и как-то особенно доверчиво, и оба косятся на дверь вагона, из которого появится сейчас тот, которого ждут с таким нетерпеливым, радостным возбуждением.

А вдоль рядов проходит в солдатской серой шинели, в потрепанной папахе генерал Пепеляев ⁷, от его фигуры статной, от голоса громкого, улыбки широкой какие-то токи бегут молодой, веселой бодрости.

И по тому, как улыбаются ему, как отвечают, понимаю, что много трудного, рокового, проклятого, разъединяющего преодолено.

Новое вино вливается в старые меха ⁸.

Встречаю знакомых офицеров, разговариваю с незнакомыми. У них у всех обветренные, простые лица, огрубевшие, мозолистые руки, затасканные, заплатанные гимнастерки, почему-то все улыбаются ясно и просто, и меня охватывает тот же деревенский, чистый, снежный воздух, как когда-то в Минской губернии.

Для них все твердо и просто. Цели – прямые-прямые и точные. Нужно взять вот ту-то деревню, достать фуража и хлеба, подвиги смешиваются с заботами житейскими.

Весь строй жизни, рабочей, упрощенной, здоровой, лишенной всякой неврастенической расхлябанности.

Так привычны все эти картины занесенной снегом мирной деревушки и примостившейся у околицы батареи, дымок походной кухни, возвращающиеся с дозора, закутанные в тряпки, с побелевшими ресницами, перекидывающиеся веселыми шутками и мечтающие погреться и с аппетитом поесть.

Все такое знакомое, трогательно-милое и, казалось, навсегда ушедшее, провалившееся в черную бездну безумия.

Опять подвиги неисчислимы, непередаваемые в своей простоте, ежедневные, ежечасные.

Армии трудно, иногда почти невозможно.

И самое трудное, самое мучительное – нет отсюда, из тыла, достаточной заботы, ободряющей любви.

Но дух молодой армии силен. Я не видел и не слышал о малодушии, о колебаниях. Только бодрость и твердость там, на снежных полях, где замерзают, где умирают, но где все наполнено одним порывом, одной пламенной мечтой – туда, в Россию, в Москву, в Петербург.

Я поверил, глядя на них, на эту сияющую молодостью армию, что она воплотит все мечты, они сделают неслыханное, они пробьются к России и новой, неувыдаемой славой покроют знамена молодых полков.

Надо знать, надо видеть, что приходится им находить в городах, в деревнях, которые они освобождают от злого врага, как встречают их, избавителей, освободителей.

За эти слезы умиленных встреч можно отдать все, даже жизнь.

От них ждут чуда невозможного, невероятного, и они не обманут ожиданий. Они не дрогнут, они пройдут путь подвигов и жертв до прекрасного конца.

Сибирская речь. 1919. 4 марта (19 февр.). № 47.

III. Кавалеры Святого Георгия

Этот обряд награждения, сохранивший мистическую торжественность рыцарского посвящения, я видел много раз во время поездки, каждый день, по несколько раз в день. И каждый раз волновал он меня почти до слез.

Никакими материальными наградами нельзя достаточно наградить за часы, за долгие недели мучений, кровавых ран, за вдохновенный подвиг.

Какими человеческими наградами можно воздать за смерть, за готовность к смерти, за разлуку со всем милым, дорогим, за лишения неслыханные.

А вот эта таинственная оранжево-черная ленточка⁹, этот знак храбрости, эта минута награждения искупает все, все страдания, все муки.

Этого не понять людям с умом узким, направленным только на материальное, мелкое, эгоистическое, никогда не отдававшим не только жизни, но маленькой своей выгоды во имя великого общего, что зовется старыми и навсегда новыми словами – родина, государство, Россия...

Но это понимает без слов всякий, кто пережил, кто перенес, кто слышал над своей головой шуршание черных крыльев смерти, и кто во вдохновенном восторге не побоялся отдать самое драгоценное – свою жизнь – за нечто еще более драгоценное – за Россию, родину, государство.

Это так просто и так сложно.

Вот они, избранные, выстроенные для торжественного обряда.

Их несколько волнует, что они выделены, что на них обращено все внимание. Иные смущенно улыбаются, другие сосредоточены, но каким-то светом внутренним озарены побледневшие лица, лица участников, готовящихся к некому прекрасному торжественному таинству.

Особенно почему-то запомнилось мне одно утро.

Станция последняя перед позициями. Высокие лесистые горы, снежные успокоенные долины. Все такое величественное, торжественное. Падает снег мягкими ласковыми хлопьями, уже российский снег (в Сибири я как-то никогда не замечал, чтобы шел снег).

Длинный ряд героев. Лица молодые, безусые, все почти мальчишки. А сколько уже пережили, сколько исполнили – дети-крестonosцы.

В воздухе чистом, прозрачном, горном так торжественно звучит медь труб. Не случайно нашим гимном сейчас является величественная, несколько траурная молитва «Коль Славен наш Господь в Сионе»¹⁰.

Молиться о России и верить пламенно и упорно, твердо переносить все испытания, разве не это долг единственный, последний.

Медленно проходит вдоль рядов Верховный Правитель, смотрит своим пристальным, зорким, сосредоточенным взглядом в каждое лицо, в каждые глаза. Голосом негромким, но таким, что не заглушить его ничем, здороваются с войсками.

Потом начинается этот обряд награждения.

Верховный Правитель подходит к каждому отдельно, произносит тихо, но твердо, раздельно и явственно эту прекрасную формулу посвящения в рыцари Святого Георгия.

«От имени русской армии в воздаяние подвигов, совершенных Вами на пользу родины, награждаю Вас Георгиевским Крестом».

Адъютант передает блеснувший ярко крест, и Верховный Правитель прикалывает к серой груди эту ленточку и крест. В эти секунды, пока он прикалывает булавкой ленточку к жесткому сукну шинели, его лицо совсем близко от лица награждаемого, их глаза смотрят в упор. Верховный Правитель говорит каждому какие-то слова, уже не официальные, отдельные и какие-то нити в эти секунды связывают особой, совсем истинной близостью его, взявшего всю ответственность, всю тяжесть, и того, кто исполнил свой долг и неумолимо исполнит его до конца.

И вот эта ленточка уже сияет на сером сукне, украшает лучше самого драгоценного украшения.

Изящным четким движением подносит Верховный Правитель руку к козырьку, поздравляет героя, отдает честь ему, ту честь бессмертия и вечной славы, которую никто уже не сможет в веках отнять у этого побледневшего, отвечающего на поздравления дрожащими от радостного волнения губами, иногда невпопад, – героя.

Когда весь длинный серый ряд расцветает этими оранжево-черными цветами георгиевских лент, мимо них под звуки церемониального марша мерно проходят все войска. Они стоят рядом с Верховным Правителем. Все офицеры салютуют шашками им, новым кавалерам Святого Георгия, все взоры направлены на них. Это их подвиги славят медные трубы в этой величественной горной долине, в нескольких верстах от врага.

Эти минуты награждения доблести нельзя забыть, они искупают все тяжелые, кровавые картины.

Так велико волнение и напряжение, что иногда кажется, что почти нельзя выдержать, перенести их спокойно.

Из сотен лиц запомнил я одно. Круглое и добродушное безусое лицо солдата из отряда ижевских рабочих¹¹. Широкоплечий, краснощекий, видимо, силы огромной, в эту минуту перед награждением он бледнел и волновался так, как, наверное, не волновался под огнем неприятельских пушек. Едва сдерживал дрожь всего тела, на глазах были слезы. Когда Верховный Правитель приколот ему крест, начальник отряда о чем-то доложил Верховному Правителю, и совершенно неожиданно тот взял у адъютанта второй крест и приколот его рядом с первым.

Почти невозможно было смотреть на него, так передавалось его волнение. К нему подходили офицеры, улыбались, говорили что-то; другие солдаты украдкой оправляли свои ленточки, осматривали друг друга, шептали что-то, он стоял совершенно неподвижно, с глазами остановившимися, с руками, застывшими у приклада винтовки.

Какие видения, какие мысли проносились в его голове.

Когда Верховный Правитель, сопровождаемый свитой, проходил обратно вдоль рядов, он на минуту еще раз задержался около него, поправил ленточки, спутавшиеся от двух крестов.

Это почти переполнило чашу напряжения и волнения.

Я чувствовал, что он задыхается, что сейчас он пошатнется, может быть, упадет, этот краснощекий гигант, потрясенный славой героя.

Перелистываю книгу подвигов, наградные списки, представляемых к Георгиевским Крестам.

Как это все просто и привычно. Почти перестаешь понимать, что за каждым словом – кровь, твердая решимость умереть. Тут нет громких слов, чего-нибудь, поражающего воображение. «За то, что 2 ноября 1918 г. во время наступления на селение Байсарово Мензелинского уезда за выбытием из строя командира 2-й роты принял командование ротой и, несмотря на губительный артиллерийский пулеметный и ружейный огонь противника, повел роту в контратаку и восстановил положение. После того, когда весь состав роты был выведен из строя, Елабужев под сильным огнем противника, с опасностью для жизни, вынес из-под огня своего ротного командира, раненного в обе ноги». Или вот двое других: «В бою у дер[евни] Исриково¹² 19 января 1919 года состоял первый – унтер-офицером, а второй – номером при этом же пулемете, были отрезаны ворвавшимися в деревню красными от рот и, несмотря на предложение сдаться, отстреливаясь из пулемета, не только прорвались сами, но вынесли также и пулемет со всеми патронами и лентами».

А вот целый свиток подвигов: «18 августа во время наступления 2-й армии Антонова¹³ на Ижевский завод отряд оружейных техников, получив приказание отправиться на передовые позиции для поддержки подпоручика С. около К-й дачи на окраине завода, вышел в 14 часов и, выйдя на большую дорогу, ведущую в село Гольяны¹⁴, вышел в лес и выслал разведчиков вперед для выяснения, в каком положении находится противник. В числе разведчиков был оружейный техник Николай Федотов, который, войдя в окопы отряда подпоручика С., своей отвагой воодушевил солдат, и когда был контужен подпор[учик] С., он взял под свое командование отряд и держался до тех пор, пока не пришлось отступить ввиду того, что

противник зашел с фланга и ружейным и пулеметным огнем стал обстреливать вдоль окопа. Он приказал остаткам отряда отступить в самые крайние позиции от завода, где присоединился к своему отряду вместе с остатками отряда С. В это время капитан К. приказал вести наступление отряду техников на главные силы противника, расположенные на большой дороге. Николай Федотов был послан во главе десяти человек в разведку по правой стороне дороги, проходившей по лесу. Подойдя лесом к противнику на 30 шагов с фланга, он услышал разговор красных, посылавших за патронами и хлебом, донес об этом и, приблизившись на 10 шагов с фланга во главе четырех человек, кинулся в штыки и, взяв действующий пулемет «Максим», повернул его в сторону противника и открыл огонь, и когда затем разбитый противник бросился в бегство, он совместно с подполковником В. в числе 20 человек стал преследовать красноармейцев. Зашел в тыл противника в село Завьялово в 15 верстах от завода, произведя панику, разбил остатки красноармейцев, причем взял в плен одну верховую лошадь и трех красных. В этом бою был ранен в живот пулей. Он всегда был лучшим разведчиком».

Каждый день, каждый час эти, ставшие такими обыденными, подвиги величайшего, простейшего героизма.

И пока это еще возможно, пока еще в душах не умерла эта твердая решимость – еще рано отчаиваться, еще рано делить ризы будто бы навсегда погибшей России.

Храбрецы, кавалеры Святого Георгия еще не перевелись. Они стоят на своих постах, каждый день, каждый час вписывают они страницы славы в книгу судьбы России.

Сибирская речь. 1919. 5 марта (20 февр.). № 48.

IV. Кровью запечатлевшие

Так знакомо это чувство умиленности и стыда, когдаходишь в лазарет, где раненые.

Какую-то капли крови пролили они и на тебя. Это смущает и волнует, хотя знаешь, что они не ждут и не нуждаются в твоей благодарности.

Когда рассказывают о подвигах, о боевых эпизодах, рассказывают то, что сами испытали, сами перенесли, все же воображение отказывается нарисовать слишком нечеловечески жестокие картины; воспринимаешь рассказ как нечто отвлеченное.

А вот через повязку просачиваются алые пятна, губы запеклись, глаза помутнели. Ведь это уже не отвлеченное, будто в книге жуткой прочитанное, это живые страдания, их видишь, как Фома неверный¹⁵, прикасаешься к святым ранам, сам невольно, чисто физически, чувствуешь боль.

И кажется всегда, что прочтешь непереносимый упрек в глазах раненого, когдаходишь, здоровый, к нему, страданья принявшему за всех и за тебя в числе этих всех.

С некоторой еще большей робостью ехал я в первый лазарет в Челябинск. Ведь сейчас еще больше упреков имеют право сделать те, кто там, под Уфой, умирают, проливают кровь за Россию¹⁶. Все так расхлябанно, так противоречиво здесь, в тылу, все так неопределенно ворчливы и смятенны, а они все-таки идут, идут и приносят кровавые жертвы. Разве и их дух не может поколебаться, разве, видя разложение, злое интриганство, разброд общественной жизни, безумное, маленькое себялюбие, не могут и они возроптать: «стоит ли идти на смерть, на муки за вас, брюзжащих, глупо злорадствующих, спекулирующих там, за нашими спинами».

Но при всех кошмарных ужасах войны есть в ней что-то, что очищает, возвышает дух, души, даже самые простые, делаются возвышенными, откинувшими все обывательски мелкое, эгоистическое.

Я узнал это давно, когда еще в 1914 году видел первых раненых, знакомых и чужих. Оболочка осталась та же, привычная, знакомая, то же лицо, те же глаза, голос, а что-то изменилось, что-то таинственное вошло в душу – это испытанная пережитая близость смерти, решимость непоколебимая, если нужно, – умереть. А ведь рядом с этим ощущением такими ничтожными, ненужными кажутся все прежние, будничные, обывательские дела, мысли, желания и стремления.

Часто замечал в раненых близких друзьях эту просветленную отчужденность от мелочности жизни. Что-то узнали они, какую-то страшную и прекрасную тайну, которая заставляет их с какой-то новой чуть-чуть сожалительной улыбкой относиться ко всем гнусностям тыла.

Вот входим в первый лазарет. Все так знакомо, жутко привычно за эти годы войны. Большие комнаты, крашенные белые столы для операций, ряды коек, белые халаты докторов и сестер, грубые жесткие одеяла, постели, руки на перевязях, сладковатый, чуть-чуть дурманящий запах лекарств. Как все это знакомо, как ужасно, что все это так привычно.

Только несколько более убого, чем было прежде. Меньше заботливой любви чувствуется, чем в первые годы войны, да и труднее, конечно, сейчас эту любовь проявить, труднее обставить как следует.

Но дух какой-то чистоты, белоснежности, примиренности в этих светлых, пусть недостаточно роскошных комнатах. (Дворцы, лучшие дома подобало бы отдать раненым героям, но что же делать, если лишь лачуги сумели мы сохранить от всех богатств России).

Верховный Правитель подходит к каждой койке, с какой-то сосредоточенной нежностью наклоняется к тяжелораненым, каждому находит сказать какие-то слова бодрости и утешения. И всех взоры, даже от слабости не могущих повернуться, прикованы к серой простой шинели Вождя. Он понимает всех, они понимают его. Неразрывно, кровно связаны они. В глазах их вопрос – не напрасны ли жертвы, страдания, ими перенесенные. В глазах его, во взгляде, твердом, сосредоточенном, печальном, ответ, что не напрасно пролилась их кровь. Он сумел заставить все силы, все мысли напрячь к одному – к спасению изнемогающей России.

Он награждает раненых крестами, и даже у тяжелораненых, теряющих память от боли и жара, я вижу: что-то вспыхивает в глазах, когда он кладет им на грудь эту единственную награду храбрых – оранжево-черную ленточку с блестящим крестом.

В одной из палат рядом с нашими ранеными лежат раненые красноармейцы. Не знаю, враги или просто несчастные, силой призванные, малодушно пошедшие. Чувство странное и беспокойное к ним. Когда раньше зачастую приходилось видеть, в нашем же госпитале видеть, раненого немца или австрийца, было совсем простое и ясное ощущение – да, был врагом, исполнял свой долг, был, наверно, доблестен и тверд, теперь тоже страдает, раненый, к тому же пленный, одинокий, отделенный от своих близких. А когда смотрю на этих круглолицых парней, ничем не отличающихся от наших, тоже своих, русских, и вместе с тем – пленных врагов, становится холодно и жутко непереносимо, как от чего-то противоестественного, невозможно мерзкого. Там был немец, чужой и по внешности, и по языку, его можно было уважать как героя, испытывать жалость к его страданиям, а ведь эти свои, совсем свои и вместе с тем – враги, которые вчера бы еще не только, быть может, убили бы, а замучили бы, надругались.

Как все это безумно и страшно.

Им тоже не по себе, один закутался одеялом с головой, другой следит пристально, беспокойным взглядом, за всем, что происходит. Ко всем подходят, всем говорят слова участия, награждают за подвиги, а они одиноки, пусть не по их вине, но незримая печать проклятья легла на них, отделила их. Я знаю, что в эти торжественные, умиленные минуты им было вовсе не легко, хотя, может быть, они и не сознавали этого совсем ясно.

Потом поехали в другие госпитали. Лазарет Красного Креста в четырех верстах от города. Узкая лесная дорога. Автомобили зарываются слегка в сугробы. Морозно и солнечно. Конный отряд с развевающимся георгиевским штандартом так красиво скачет по извивающейся дороге.

Воздух лесной и снежный. Какая прекрасная, счастливая жизнь могла бы быть для всех, для всех, если бы мы умели принять ее свято и любовно.

Лазарет в отличном особняке, так много солнца в большие окна. И опять эти лица раненых – очищенные, преобразенные страданиями.

Я видел во время поездки десятки лазаретов, сотни побледневших от мук лиц, и ни на одном не прочел тяжелого упрека, раздражения, жалобы.

На одной из прифронтовых станций пошли осматривать тяжелораненых, только что привезенных с позиций.

Переходим через железнодорожные пути, заставленные вагонами и мертвыми паровозами. Ловко перебирается Верховный Правитель через буфера товарного вагона, и за ним все генералы, вся свита. Хорошо, что все молодые, сильные, ловкие.

Какой-нибудь восьмидесятилетний командующий армией, как часто бывало в прошлую войну, был бы поставлен в весьма неловкое положение.

Идем по снежным сугробам, узким тропинкам к поселку. Вьется дымок из труб, голубенькие и серые домики так уютно поблескивают окнами на солнце. Едет мальчишка на дровнях.

Неужели война совсем близко, убийства, мучительства, предсмертные хрипы.

Лазарет в маленьком деревенском домике.

Коек не хватает, лежат прямо на полу.

В одной из палат молодой офицер, тяжело раненный в голову разрывной пулей. Вся голова в повязках, только глаза расширенные, огромные, восторженно блестящие. Стоит, вытянувшись как струна, на просьбу Верховного Правителя лечь или по крайней мере сесть, только слегка качает головой (говорить не может). Награжденный Георгиевским крестом на секунду теряет силы. Глаза потухают, его подхватывают, кладут на койку. Через секунду дух побеждает слабость измученного тела. Опять стоит, вытянувшись, как бы утверждая упорно, что исполнил и еще исполнит свой долг до конца, до последнего вздоха.

Долго не могу забыть этого молчаливого, восторженно блестящего взгляда.

В другой комнате солдат, раненный в живот, хочет приподняться, не может. Доктор тихо докладывает, что положение трудное, почти безнадежное. Потемневшие губы, светлые усики, глаза тоже блестящие. На вопрос Верховного Правителя, захлебываясь, сбиваясь, начинает бессвязный рассказ: перескочил через забор, бросился на неприятеля, бежали по снегу, за баней припрятались, да как сиганем, Ваше Высокопревосходительство, тут и они побежали, а из пушек как пальнут.

Трудно понять его, разобрать слова сбивчивые, но весь – в напряженном волнении, весь пылает, и жаром лихорадки и каким-то иным огнем палимый.

А Верховный Правитель так внимательно слушает, что солдат уверен, радуется, так хорошо и ясно все рассказал. Устал, а лицо светлеет, все, что было на душе, открыл, все доложил.

Верховный Правитель кивает головой. Он понял его, конечно, понял.

Когда все уже прошли, вижу: взял ленточку и крест, положенные на грудь Верховным Правителем.

Долго смотрел. Украдкой поднес к запекшимся губам, поцеловал и закрыл глаза. Лицо бледное, успокоенное.

Длинная вереница других, мужественно, без жалоб и упреков приносящих кровавые жертвы.

В Перми, в госпитале, семилетний мальчик с ампутированной рукой. Как страшно было видеть это маленькое изуродованное тельце, недоумевающий взгляд широко раскрытых глаз.

Сколько крови, сколько мук принесено за Россию, и как пламенна еще вера, как упорно стремление. Нет, нет. Россия не погибла, не может погибнуть.

Возвращаясь из поездки, только что сам увидавший войска в боевой работе, осматривая их в окопах под огнем неприятеля, соединенный тысячью живыми, крепкими нитями с армией, так твердо, с лицом непреклонным, на заседании Екатеринбургской городской думы заявил Верховный Правитель, что спор с большевиками может быть решен только одним способом – оружием и истреблением обезумевших разбойников.

Может быть, в эту минуту он вспомнил восторженно блестящий взгляд офицера, раненного разрывной пулей, или мальчика с отрезанной рукой, или слезные мольбы крестьян освободить от насилий коммунистов, или доклады о зверствах в Перми, где убивались беззащитные священники, рабочие, крестьяне, женщины, где были захвачены в комиссариате омерзительные окровавленные орудия пыток, может быть, поэтому так твердо прозвучал его голос, так непреклонно было лицо.

Все замученные, все идущие на смерть, все, кровью запечатлевшие действительную любовь к России, требуют, чтобы жертвы были не напрасны. И не может не прийти час возмездия, час победы и освобождения.

Сибирская речь. 1919. 7 марта (22 февр.). № 50.

V. На Уфимском фронте

Рано утром просыпаюсь, вглядываюсь пристально в окно, будто что-то хочу увидеть, что-то разгадать.

Ведь мы въехали уже в район фронта, уже совсем близко та незримая, таинственная линия, которая отделяет своих от чужих, страшных, от врагов смертельных, по-звериному жестоких.

Ничего не замечаю, ничего не могу рассмотреть – лес, горы, снега – тихо, успокоено, как-то свято.

Неужели эту тишину можно нарушить чугунным ревом пушек, эту девственную белоснежность затоптать.

Или так и нужно. Нужно эту прекрасную дремоту снежных долин наполнить звуками жизни, пусть страшными звуками боя, но ведь этот бой за безмерную любовь к жизни.

Вся Россия слишком долго дремала, сон часто превращался в кошмар. Надо разогнать эти уродливые сны, надо разбудить, пусть движениями слишком резкими, так мудрый врач не дает слабеему больному погрузиться в опасный сон, который так легко может перейти в смерть.

Последняя станция, до которой может дойти наш поезд.

Трубы приветствуют Верховного Правителя, вытянулись далеко стройные серые ряды.

По дороге скачут всадники. Все наполнено какой-то кипучей бодростью, этим особым боевым оживлением, когда все движения должны быть так ловки и удачны, когда глаз должен быть зорок, и легкий хмель войны поднимает нервы, заставляет улыбаться немножко безумно.

Это утро было особенно радостным: только что были получены известия, что часть дивизии перешла в наступление, на рассвете были заняты уже три деревни, захвачены орудия и пулеметы.

Кто не испытал, тот не знает, что значит эта радость победы, радость непосредственная, совсем близкая, реальная.

Вот уже отодвинулась, пусть всего только на несколько верст, эта граница врага, вот в ту деревню за три версты, которая вчера еще была недостижимой, сегодня можно уже проехать.

Длинен, бесконечно длинен путь еще до Москвы и Петербурга, но сегодня сделали несколько новых шагов, приблизились, это наполняет сердце ликующей надеждой, нетерпеливым порывом – скорее, скорее вперед.

Встречаю одного знакомого офицера, видел его семью перед тем, как он отправлялся на фронт.

Был он тогда, как многие, как, пожалуй, все, отравлен тоской безнадежности, смятенный, ни во что не верящий, весь полный противоречивых сомнений.

Прощаясь перед отъездом, сказал с какой-то мучительной гримасой:

«Эх, хоть бы убили, так жить погано».

Сейчас сразу не узнал его в ушастой заячьей шапке.

А когда мне назвали его фамилию и я подошел к нему, мне показалось, что здороваюсь с незнакомым, совсем чужим.

И рука была совсем чужая, твердая, сильная, а не расхлябанная рука неврастеника, которую я пожал пять месяцев тому назад, прощаясь с ним, мечтающим только об одном – уйти от непереносимой, мерзостной тоски.

Нам было немножко трудно разговаривать, не находили слов, будто ему приходилось делать тяжелое напряжение, чтобы вспомнить, что он встречался со мной, что жил какой-то другой жизнью, в иной обстановке, в теплых комнатах с электричеством, с мягкой мебелью, что говорили о литературе и политике, спорили иногда бестолково и ненужно, обсуждая газетные новости.

Он забыл все это. Он живет в этих, снегом занесенных, деревушках. Он не хочет даже вспоминать того, прежнего. Он не спрашивает меня об омских новостях, о международном положении, о политике партий, обо всем, о чем с такой бесполезной жадностью и волнением мы говорили часами.

Какое ему дело до всего этого?

Зато весь вспыхивает, захлебывается, когда начинает говорить о своем, о том, что пять дней его броневой поезд стоит без движения, так как слишком медленно идет починка.

Кое-что он рассказывает о своей жизни за эти пять месяцев. Улыбается ясно, как чему-то радостному, когда рассказывает, как один раз совсем было думал, что пропал, уже револьвер переложил в боковой карман, чтобы застрелиться, если красные подойдут, и как последний оставшийся снаряд удачно угодил в наступающих и обратил их в бегство.

Я уже раньше слышал о нем, как о совершившем ряд подвигов. Встречал его имя в газетах.

Но он упоминает о своих героических делах так, мельком, без всякой рисовки скромности, просто как о чем-то совсем простом и обычном.

В глазах его новая ясность, в улыбке, такой конфузливой, такая бодрость.

Еще много мертвых, черствых душ, но чудо воскрешения уже совершается. Уже воскресла армия, случилось уже нечто непонятное, неожиданное.

Развеялся хаос, вспыхнуло новое пламя любви, простой и твердой.

Мы простились с ним без всяких трогательных слов. Совсем просто и весело кивнул он головой и пошел большими твердыми шагами в своей белой ушастой шапке и замызганном полушубке по снегу, пошел, быть может, чтобы сегодня или завтра умереть...

Медленно подполз, тяжело дыша, неуклюжий бронированный поезд.

Выстроилась команда, вся с черными лицами и руками от дыма.

Верховный Правитель прошел, поздоровался и легко взобрался по узенькой висячей лесенке, за ним генералы и свита: все мгновенно как-то исчезали в пасть бронированную.

Поезд завздыхал и пополз задом туда, где синел приветливо у полотна лесок, в котором пролегла эта незримая, таинственная линия фронта.

Поезд дошел до последнего моста, за изгибом полотна, в версте или двух, уже стоял неприятельский броневик.

По сугробам, по узким тропинкам Верховный Правитель прошел к самым позициям. Обходил полки, награждал Георгиевскими крестами, в халупе посетил раненых, только что принесенных с поля битвы.

Нет крепче близости, чем та, что соединяет бойцов, стоящих против врага. Здесь забыто уже все, разделяющее человека от человека.

Серая шинель Верховного Правителя сливалась с шинелями солдат. Он был среди них в минуту опасности. Все было так неожиданно и просто. Неразрывные нити той особой боевой близости связали с ним их в этих снежных полях, где они должны совершить подвиг величайшей победы.

Эти минуты радостного волнения, торжественные и простые минуты, они будут вписаны в книгу истории России.

На обратном пути один офицер из свиты сказал мне:

«Как хорошо, трудно даже передать словами. Вы не можете даже представить, как сердце задрожало, когда я увидел то, что, думал, никогда не увижу, – хлеб на санках везут, пахнет

дымом от кухни, солдат ведет лошадь по тропинке и даже не оглянется на выстрел. Как все знакомо и мило. Этот воздух снежный, эта простота и бодрая уверенность.

Я понял не по словам его, а по блеску глаз, почему дрожит у него сердце, почему так тянет его к этой величественной простоте.

Мы еще не можем поверить, мы еще не можем понять, что уже свершилось, свершилось.

Опять армия, молодая и твердая, опять подвиги, простые и беззаветные, опять лишения, переносимые мужественно и весело.

Сибирская речь. 1919. 11 марта (26 февр.). № 53.

VI. На Вятском фронте

Выезд был назначен в пять утра. Так как шло всего два вагона, то мне пришлось встать и перебраться в вагон-столовую.

Хотя накануне я лег очень поздно, в ушах еще звенела музыка гигантского пермского смотра войскам¹⁷, раздавались обрывки приветственных речей и тостов, но спать не хотелось, какая-то радостная тревога охватывала, ведь сегодня, через час или два, мы увидим тех, которые кажутся выдуманной прекрасной легендой, героев Перми, полки генерала Пепеляева, увидим их за новой работой, устремленных по прямому пути на Петроград.

Ведь по этой же вот дороге когда-нибудь буду возвращаться из изгнания, к развалинам, быть может, милого города, где не осталось, возможно, уже моего дома, дорогих людей, но куда рвется, рвется сердце.

Французский и английский офицеры уже успели, как они говорят, «сделать баню» и сидят такие розовые, веселые, бодрые – мне хочется быть таким же подтянутым, спокойным, оживленно любопытным, как они, заброшенные сюда, в снега Пермской губернии, на фронт странной, безумной русской войны, один – из Индии, другой – из Парижа.

Они всем живо интересуются, но ничему не удивляются, будто ничего необычного, непривычного для них не существует.

Наш короткий поезд трогается, пропадает разноцветная иллюминация Пермского вокзала.

Сажу за столиком у окна, помогаю английскому офицеру по самоучителю овладеть трудной тайной русской речи, а сам не могу оторваться от окна.

Как сказочные видения в предрассветном сумраке мелькают – вот мост через Каму, мелкий лес, поляны, деревни на косогоре, луга – ведь Россия, освобожденная Россия, еще так недавно недостижимая, а теперь все более близкая.

Приезжаем на станцию. Взойшло солнце – багровое, морозное, празднично торжествующее.

Постукивая ногой об ногу, ходит по платформе генерал Пепеляев, круглолицый, румяный, весь широкий, порывистый, говорит что-то громко, от чего все лица улыбкой расплываются.

Проходит торопливо генерал Гайда¹⁸ с видом стесняющегося поручика.

Все такое молодое, бодрое веселое в это морозное, солнечное утро и как-то особенно звонко играет оркестр встрече Верховному Правителю.

Он обходит по рядам солдат, и так громко, отчетливо, бодро отвечают они на приветствие, будто обещают все исполнить, все перенести и победить, конечно, победить.

Разве все эти, сияющие молодостью, силой и бодрой решимостью, эти, уже свершившие почти невозможное, разве они могут не победить?

Крестьяне подносят Верховному Правителю хлеб-соль, в словах безыскусных – надежда, благодарность и жалоба на все, что пришлось перенести.

После окончания смотра крестьян приглашают в вагон-ресторан пить чай.

Степенно и просто рассаживаются они за стол среди нас. На наши жадные вопросы отвечают толково, подробно, с эпическим спокойствием, без всяких слов гнева повествуют о

том, что пришлось пережить, о том, для чего слова трудно найти спокойные, о том, как грабили, жгли, убивали, насильовали женщин, даже девочек. В нескольких деревнях, предательски собрав сходь, окружили безоружных и перебили. На станции, где мы сейчас стоим, рассказчик искал своего отца среди пятидесяти сваленных в кучу расстрелянных и повешенных крестьян их волости.

А солнце так ярко светит, снег так ослепительно блестит.

Ужели не злая сказка то, что так точно и неторопливо рассказывают эти бородатые люди с синими ясными глазами.

Даже английский и французский офицеры, делающие пометки в своих записных книжечках, когда им переводят эти рассказы, несколько выбиты из колеи своего бесстрастия.

Выходит в столовую Верховный Правитель, без всякого предупреждения, совсем просто. Говорит крестьянам, что поезд сейчас пойдет, но так как они еще не кончили чай, то, может быть, проедут с нами дальше, и потом их назад привезут. Они кланяются, благодарят, но поехать не могут, нельзя лошадей оставить.

И когда они говорят с Верховным Правителем такие простые житейские слова, улыбаются друг другу, прощаются, пожимая руки, я чувствую в этой улыбке, в этом рукопожатии что-то глубокое, подлинное, совсем простое и ясное, трудно передаваемое словами, какое-то новое доверие, новую возможность взаимного понимания и единения, без громких фраз, без фальшивых поз.

Поезд продвигается еще на несколько верст. Сухой твердый звук вдруг раздается. Мы не понимаем в первую минуту. Кто-то говорит: «Гайка лопнула». Нет, это совсем не гайка. Мы вкатились к самой батарее, которая стоит под косогором в десяти саженьях от разъезда, являющегося на сегодня последним пунктом.

Это в честь Верховного Главнокомандующего раздается грозный салют, разносящийся гулко по лесам и долинам и заставляющий пошевелиться там, где-то за пригорком, притаившегося врага.

Под звуки канонады Верховный Правитель совершает торжественный обряд награждения Георгиевскими крестами.

Потом на трех санях с генералами Гайдой и Пепеляевым, с небольшой свитой, сопровождаемый пятью всадниками, он едет по ослепительно сверкающему снегу туда, к самым позициям.

Эта поездка по снежным дорогам, такая простая, деревенская поездка, имеет такое торжественное глубокое значение полного слияния, полного кровного единения с армией.

На опушке неприятельский снаряд разорвался в нескольких саженьях от последних саней. В железнодорожной будке Верховный Правитель наблюдал за боем нашего броневика с неприятельским. Он осматривал полки в самых окопах, на батарее следил за удачной стрельбой. В деревню, где они пили чай с черным хлебом, попало несколько снарядов.

Новую решимость, новую бодрость вливалось в сердце это радостное волнение встреч и наградений здесь, на полях битв.

Вспыхивало синеватое пламя, гулко раздавался в морозном воздухе четкий удар.

Господи, ведь это же за Россию, за погибающую, но не погибшую, казалось, умершую, но воскресшую.

Слышите, слышите, ведь этот вздох чугунный, это тысячи пламенных сердец бьются с упорной надеждой.

И когда я смотрел в это радостное, морозное, солнечное утро на все лица, такие юные и такие прекрасные от волнения и какого-то восторженного вдохновения, когда я видел, как ловко и весело хлопотали около пушек эти стройные серые фигуры, когда я слышал, как громко и бодро они приветствовали своего Вождя, я знал, что никакие преграды, никакие трудности для них не существуют.

Но тогда же, в этом свежем, морозном воздухе, таком живительном и радостном, около пушек, несущих смерть врагам и предателям России, мне сделалось вдруг почти до

головокружения омерзительно – я вспомнил, что делается в тылу, где так много брюзжащих, не верящих, злорадствующих, где каждый обиженный чиновник или обманувшийся в прибылях спекулянт или просто желчный ворчун готов интриговать, сплетничать, подло хихикать, бестолково критиковать, создавать «общественное мнение». И никто не хочет понять, как ничтожны, малы все неприятности, обиды, лишения в сравнении с тем, что происходит в эти дни, когда решается судьба России, когда в последний страшный бой ведет молодые полки Вождь к победе, к Москве, к Петербургу, к России.

Сибирская речь. 1919. 12 марта (27 февр.). № 54.

VII. Встречи с обществом

Обычно на вокзале, украшенном елками и флагами, на одном из флангов войск Верховного Правителя встречали представители гражданской власти и представители общественных учреждений и организаций.

Они подносили хлеб-соль, иногда тут же, на морозе, произносили коротенькие речи или читали адреса.

Вид у них часто бывал довольно смущенный. Может быть, потому, что штатские всегда среди военных в своих разнокалиберных, неуклюжих шубах, не связанные определенным уставом, благодетельно диктующим, как себя вести и что говорить, штатские всегда чувствуют себя несколько неловко. У военных так уверенно отчетливы все жесты, все движения, такие ясные формулы приветствий, ответов и вопросов, что как-то невольно начинаешь казаться сам себе неуклюжим, неловким, смешным...

Но было в этом смущении первой встречи, может быть, и еще что-то. Может быть, иным казалось, что Верховная власть, облеченная в мундир, не вполне ровно относится к интересам военных и общественным.

У иных же, может быть, не совсем еще прошло тяжелое похмелье последних двух лет, не все еще предрассудки и предубеждения были изжиты.

Одним из самых главных последствий поездки Верховного Правителя я считаю именно то, что благодаря личному общению сглаживались последние шероховатости, таяли последние недоразумения, основанные иногда просто на неясном знании характера и стремлений власти.

Я с особым интересом наблюдал, как росло это единение, как лица выходящих от Верховного Правителя были уже несколько иными, чем у входящих. Они находили какие-то ответы на все свои сомнения и колебания.

Обычно сейчас же после смотра войскам всех штатских представителей приглашали в поезд, и по группам Верховный Правитель принимал в своем небольшом вагоне-салоне представителей города, земства и других общественных организаций и учреждений.

После слов приветствия Верховный Правитель задавал вопросы о наиболее острых и насущных нуждах. Иногда вызывались ехавшие в поезде представители ведомств и многие, наиболее срочные, вопросы разрешались здесь же быстро, твердо, отчетливо или намечалось возможное разрешение этих вопросов.

Эти короткие деловые приемы в первую же минуту показывали представителям общественности, как напрасны их опасения. Это напряженное внимание, это желание полностью все узнать, с которыми выслушивались все их заявления, несомненно, передавались и действовали сильнее, чем самые пышные, многоречивые декларации.

Во всех отраслях жизни обнищание и распад, во всем нужда и огромные трудности. Все, что возможно сделать, чтобы наладить, помочь, облегчить, все это власть делает, если что-нибудь не делается, это совсем не потому, что кто-то намеренно не хочет этого сделать, а только потому, что не может, еще не может.

Вот если бы эта мысль вошла прочно в сознание, если бы поняли все почти непреодолимые трудности, которые приходится власти преодолевать, то было бы меньше малодушного нытья, злостных нападок, нежелания чем-нибудь поступиться, что-либо временно перенести, хотя бы и очень неприятное и тяжелое.

После этого утреннего приема делегаций Верховный Правитель ехал в город осматривать войска, посещать госпитали, принимать оперативные доклады в штабе – с представителями общественности он встречался на торжественных обедах, даваемых в его честь самоуправлениями, и на соединенных заседаниях земства, города и других общественных учреждений.

Эти заседания он посещал в каждом из больших городов, которые были на пути.

На некоторых из обедов сквозь официальную торжественность просачивалась некая искренняя интимность, иногда создавалась атмосфера подлинной близости, когда за словами речей чувствуется биение мысли и сердца.

Таков, например, был первый обед в Челябинске.

В большой высокой зале реального училища все было чинно и торжественно. Бесконечный обряд подавания кушаний; музыка гремела, быть может, слишком громко, заглушая слова, но в речах приветственных и многократных ответах Верховного Правителя, таких всегда точных, прямых, произносимых с твердостью, иногда с горячностью – во всем этом, помимо внешнего, чувствовалась какая-то теплота внутреннего общения.

На этом обеде Верховный Правитель говорил несколько раз, по различным вопросам, высказывая свои взгляды, взгляды человека широких государственных перспектив с горячим сердцем истинного патриота.

Мне особенно запомнились три речи.

На слова председателя земского собрания, приветствовавшего Верховного Правителя от имени крестьян, составляющих подавляющее большинство Челябинского земства, Верховный Правитель поднял бокал за русское крестьянство. Неумолимый закон чисел говорит, что крестьянство составляет главную основу Российского государства. Крестьянство давало армию, поражавшую весь мир своим беззаветным героизмом, вписавшую много славных страниц в историю России. В будущем устройстве государства главная роль будет принадлежать крестьянству. Несмотря на все испытания и искушения, он верит, пламенно и твердо верит, что крестьянство с его крепким, здоровым умом сумеет выявить всю государственную твердость, свою волю к строительству государства.

Эти слова были проникнуты глубокой верой, отличным знанием народа и искренней любовью, ничем временным случайным не затемненной.

Вторая знаменательная речь была ответом на приветствие сербского офицера, сказавшего, что не может существовать свободной Сербии без великой свободной России.

Верховный Правитель в сжатых выразительных словах нарисовал волнующую картину единения освобожденных братских славянских народов. Широкая программа великого панславизма¹⁹ не была в его словах чем-то отвлеченным, теоретическим, это было совсем близкое, живое, единственно необходимое. Намечались великие пути трудной, но прекрасной работы.

С глубочайшим волнением, с последней искренностью в третьей своей речи Верховный Правитель заявил, что счастливейшей минутой его жизни будет та, когда в освобожденной доблестью возродившейся армии России он сможет передать власть правительству, опирающемуся на национальное учредительное собрание, выражающее подлинную волю русского народа.

Кто видел в ту минуту его лицо сосредоточенное, кто слышал голос, твердо звучащий, тот не мог не почувствовать всю глубочайшую искренность этого, от самого сердца идущего, признания.

Все сознание ответственности, вся нечеловеческая тяжесть, которая сейчас лежит на власти, вся пламенная вера, что Россия будет спасена, были в этих ясных непреклонных словах.

На этих обедах, таких утомительных своей громоздкостью и длительностью, бывали моменты острого напряжения, открывалась душа, вырисовывался облик мужественного борца за Россию, государственного деятеля со взглядами широкими, с умом напряженным, с сердцем, бьющимся живой любовью к России.

Протягивались нити незримые единения между общественностью и им, взявшим на себя всю ответственность, всю тяжесть и всю полноту власти, ждущим дружной помощи от всех в одном устремлении, в одном напряжении – спасти, спасти Россию.

В следующих очерках я еще расскажу о других встречах Верховного Правителя с обществом, а сейчас мне хочется закончить коротеньким, произнесенным с необычайным жаром на обеде в Перми тостом, в красивой, вдохновенной форме отражающим мысли его других речей:

«Я поднимаю бокал за нашу Родину – единую и нераздельную, за нашу Родину, свободную и независимую, за нашу Родину, живущую по вере православной, при мирном производительном труде, при наличии армии, храброй и непобедимой, при правительстве, отвечающем воле народа, – вот за эту Родину я поднимаю бокал».

Сибирская речь. 1919. 15 (2) марта. № 56.

КОММЕНТАРИИ

¹ Пермь была взята войсками белой Сибирской армии в ночь с 24 на 25 декабря 1918 г.

² Своеобразная отсылка к Апокалипсису: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». (Откр. 3: 15, 16).

³ В данной поездке службу по охране нескольких вагонов поезда Верховного Правителя, в том числе личного вагона А.В. Колчака, несли военнослужащие 25-го батальона Собственного герцога Кембриджского Миддлсекского пехотного полка. Батальон был сформирован в сентябре 1916 г., в декабре был передислоцирован для несения гарнизонной службы в Сингапуре и Гонконге, 27 июля 1918 г. прибыл в Россию, с 10 сентября включен в состав Канадских Сибирских экспедиционных сил. Эвакуирован из России в сентябре 1919 г.¹⁵

⁴ Бобчинский – персонаж комедии Н.В. Гоголя «Ревизор». В седьмом явлении четвертого действия пьесы обращается к Хлестакову с просьбой: «Я прошу Вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, Ваше сиятельство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский <...> Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, Ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский».

⁵ Скорее всего, это преувеличение. С. Бурлешин утверждает («на основе анализа очерков и публицистики Ауслендера»), что в прифронтовой зоне в Минской губернии С.А. Ауслендер находился «с весны 1916 года и по ноябрь 1917-го»¹⁶.

⁶ Речь идет о европейской части России.

⁷ Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) – русский военачальник, участник Первой мировой войны и Гражданской войны. С 12 июня 1918 г. – командир I Средне-Сибирского стрелкового корпуса. 10 сентября 1918 г. произведен в генерал-майоры. 25 декабря 1918 г. войска А.Н. Пепеляева заняли Пермь. 31 января 1919 г. – произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 24 декабря 1918 г. Награжден орденом Св. Георгия III ст.

⁸ Фраза Христа, встречающаяся в Евангелии от Матфея (Мф. 9: 17), Евангелии от Марка (Мк. 2: 21–22), Евангелии от Луки (Лк. 5: 37–39). Характерно, что С.А. Ауслендер, видимо, забыл смысл афоризма, евангельский текст прямо говорит о том, что вливать новое вино в старые меха опасно: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то, и другое» (Лук. 5: 37, 38).

⁹ В связи с нехваткой изготовленных знаков георгиевских наград награждение зачастую производилось лентой орденских цветов.

¹⁰ «Коль Славен наш Господь в Сионе» – гимн, написанный в 1794 г. композитором Д.С. Бортнянским на стихи М.М. Хераскова. Текст основан на 47-м псалме. В 1856–1917 гг. куранты Спасской башни Кремля вызванивали мелодию «Коль славен». Гимн использовался в старой русской армии во время торжественных церемоний – при посвящении юнкеров, при воинских похоронах. 19 ноября 1918 г. постановлением Совета министров Российского правительства было определено, что «в тех случаях, в коих подобает исполнение русского национального гимна, исполнять в качестве такового старинный русский гимн "Коль славен"»¹⁷.

¹⁵ См.: *Ладыгин И.В.* Британские войска в Сибири в годы Гражданской войны: мифы и реалии // Интерактивное образование: электронная газета. 2014. Апрель. № 52. [Электронный ресурс]. URL: <http://io.nios.ru/articles2/1/15/britanskie-voyska-v-sibiri-v-gody-grazhdanskoy-voyny-mify-i-realii> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁶ См.: *Бурлешин А.* Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы... С. 300–328.

¹⁷ См.: *Правительственный вестник (Омск).* 1918. 13 дек.

¹¹ Речь идет о сформированной из рабочих Ижевского завода Ижевской бригаде, входившей в состав Западной армии генерала М.В. Ханжина.

¹² Истриково (другое название Истриково) – деревня Булекей-Кудейской волости Уфимского уезда Уфимской губернии.

¹³ Речь идет о 2-й армии РККА, созданной в июне 1918 г. из отрядов Оренбургской и Уфимской групп «красных». В августе 1918 г. ею командовал военспец Блохин, в этом месяце армия отошла в район Арск, Вятские Поляны, Мензелинск, севернее Воткинска. Антонов-Овсенко Владимир Николаевич (1883–1938) – большевистский партийный и военный руководитель, командовал группой войск Восточного фронта РККА, наступавшей в направлении Ижевска и Воткинска в сентябре–октябре 1918 г.

¹⁴ Гольяны – село Гольянской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, речная пристань Ижевского завода.

¹⁵ Более традиционное именование – «Фома неверующий», апостол Фома, отказавшийся верить словам о воскресении Христа, пока лично в этом не удостоверится. «Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20: 25).

¹⁶ Речь идет о начавшемся в марте 1919 г. наступлении белого Восточного фронта. 10 марта 1919 г. 2-й Уфимский корпус генерал-майора С.Н. Войцеховского взял находящийся севернее Уфы г. Бирск.

¹⁷ 19 февраля 1919 г. на Сенной площади Перми адмирал А.В. Колчак принял парад войск, штурмовавших город¹⁸.

¹⁸ Гайда Радола (имя при рождении – Рудольф Гейдель, 1848–1948) – чехословацкий военачальник, генерал русской службы. 24 декабря 1918 г. назначен командующим Сибирской армией. 6 января 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты со старшинством с 24 декабря 1919 г. Награжден орденом Св. Георгия III ст.

¹⁹ «Программа великого панславизма» – в данном контексте внешнеполитическая доктрина Российской империи в период Первой мировой войны, предусматривавшая сближение России, западно- и южнославянских народов, вплоть до оформления военно-политического союза и даже тех или иных форм государственно-политической интеграции. В годы Гражданской войны особая роль Чехословацкого корпуса на востоке России, формирование польских, сербских и карпаторосских антибольшевистских частей способствовали новому ренессансу этой идеологии¹⁹.

Литература

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980. 320 с.

Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.

Белов Е.А. Барон Унгерн фон Штернберг: Биография. Идеология. Военные походы. 1920–1921 гг. М.: Аграф, 2003. 240 с.

Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

Бурлешин А. Сергей Ауслендер. Петербургские апокрифы // Критическая масса. 2006. № 3. С. 300–328.

Бучко Н.П. Военная элита белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). Хабаровск: Частная коллекция, 2009. 254 с.

Голдин В. Среди «замазанных фигур». Белое движение: перспективы исследования // Родина. 2008. № 3. С. 7.

Евсина Н.А. Пермь в эссеистике С.А. Ауслендера периода Гражданской войны // Молодая филология: сб. стат. Пермь, 2013. С. 106–111.

Евсина Н.А. Проза С.А. Ауслендера 1918–1928 гг. в историко-литературном контексте первой трети XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013. 19 с.

Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22. № 4. С. 64–70.

Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.

¹⁸ Хроника пребывания адмирала Колчака в Перми / публ. Е.П. Субботина // Архив города Перми [Электронный ресурс]. URL: <http://www.permarchive.ru/index.php?page=hronika-prebyvaniya-admirala-kolchaka-v-permi> (дата обращения: 01.10.2019).

¹⁹ См.: Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах ...

Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке: сб. науч. стат. Новосибирск: Параллель, 2012. Вып. 3. С. 102–111.

Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35.

Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 94–105.

Козлов А.В. Национал-большевизм Н.В. Устрялова: истоки, сущность, эволюция: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 18 с.

Колоницкий Б.И. Символы и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 350 с.

Конев К.А. «Союзники» в политических нарративах и символических практиках антибольшевистского движения на востоке России (май 1918 – январь 1920 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 20 с.

Кузьмин С.Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. 659 с.

Кулаков В.В., Каширина Е.И. Идеология и военно-политическая структура Белого движения Юга России (1917–1920 гг.). М.: РИЖ, 2010. 120 с.

Луков Е.В., Шевелев Д.Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 182 с.

Лысенко Е.А. История идеологии национал-большевизма Н.В. Устрялова (1900-е гг. – 1925 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2007. 23 с.

Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2002. 271 с.

Романишина В.Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы гражданской войны в России, 1917–1920 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 18 с.

Романовский В.К. Деятельность Н.В. Устрялова в белой Сибири в 1919 году // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 6. Вып. 4. С. 288–292.

Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). М.: Русское слово – РС, 2006. 608 с.

Романовский В.К. К дискуссии о внешней ориентации в кадетской партии после Брестского мира: политика «открытых рук» Н.В. Устрялова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2019. № 1. С. 91–96.

Романовский В.К. Николай Васильевич Устрялов: деятельность и эволюция идейно-политических воззрений (1890–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 53 с.

Романовский В.К. Николай Устрялов: от либерализма к консерватизму. Нижний Новгород, 2010. 462 с.

Русакова Е.М. Идеологическая работа Коммунистической партии в деревне в 1919–1920 гг. Минск, 1969. 186 с.

Соцреалистический канон: сб. / под. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. 1040 с.

Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

Тимофеев А.Г. С.А. Ауслендер в периодике «белого Омска» (18 ноября 1918 – 14 ноября 1919): материалы к библиографии и несобранные статьи // Петербургская библиотечная школа. 2004. № 1. С. 20–37.

Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца / подг. текста, предисл. и коммент. А.В. Смолина // Русское прошлое: историко-документальный альманах. СПб.: Logos, 1991. № 2. С. 283–338.

Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция правого крыла сибирских кадетов в период революции и гражданской войны (по материалам публицистики В.А. Жардецкого) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 85–91.

Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 266 с.

Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 24 с.

Шилко К.П. Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти: октябрь 1917 – март 1919 г. Минск, 1975. 220 с.

Щербак В.М. Большевистская агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.). М.: Высшая школа, 1969. 160 с.

Юзефович Л.А. Барон Унгерн: самодержец пустыни. М.: Молодая гвардия, 2015. 456 с. (Серия: Жизнь замечательных людей).

Kenez P. The Ideology of the White Movement // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. P. 58–83.

References

Agurskiy, M. (1980). *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Paris, YMCA-Press. 320 p.

Agurskiy, M.S. (2003). *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm. 316 p.

Belov, E.A. (2003). *Baron Ungern fon Shternberg: Biografiya. Ideologiya. Voennye pohody. 1920–1921 gg.* [Baron Ungern fon Shternberg: Biography. Ideology. Military Expeditions. 1920–1921]. Moscow, Agraf. 240 p.

Buchko, N.P. (2009). *Voennaya elita Belogo dvizheniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: ideologiya, programmy, politika (1917–1922)* [Military Elite of the White Movement in Siberia and Far East; Ideology, Programs, Politics (1917–1922)]. Khabarovsk, Chastnaya kolleksiya. 254 p.

Buldakov, V.P. (1997). *Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revoliutsionnogo nasiliya* [Red Chaos: Nature and Consequences of Revolutionary Force]. Moscow, ROSSPEN. 376 p.

Evsina, N.A. (2013). Perm' v esseistike S.A. Auslendera perioda Grazhdanskoi voiny [Perm in the Essayistics of S.A. Auslander During the Civil War]. In *Molodaya filologiya: sbornik statei*. Perm, pp. 106–111.

Evsina, N.A. (2013). *Proza S.A. Auslendera 1918–1928 gg. v istoriko-literaturnom kontekste pervoi treti XX veka. Avtoref. diss. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Prose of S.A. Auslander of 1918–1928 in Historical and Literature Context of the First Third of the 20th Century. Author. Diss. ... Candidate of Philology]. Perm'. 19 p.

Goldin, V. (2008). *Sredi "zamazannykh figure"*. *Beloe dvizhenie: perspektivy issledovaniya*. [Among the "Painted Over Figures". White Movement: Perspectives of Research]. In *Rodina*. No. 3, p. 7.

Gyunter, Kh., Dobrenko, E. (Eds.). (2000). *Sotsrealisticheskiy kanon* [Social Realistic Canon]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. 1040 p.

Kenez, P. (1980). The Ideology of the White Movement. In *Soviet Studies*. Vol. 32, pp. 58–83.

Kenez, P. (1994). Ideologiya belogo dvizheniya [The Ideology of the White Movement]. In *Grazhdanskaya voyna v Rossii: perekrestok mneniy*. Moscow, pp. 94–105.

Khandorin, V.G. (2010). Ideino-politicheskaya evolyutsiya pravogo kryla sibirskikh kadetov v period revolyutsii i grazhdanskoi voiny (po materialam publitsistiki V.A. Zhardetskogo) [Ideological and Political Evolution of the Right Wing of Siberian Cadets During the Revolution and Civil War (Based on the Materials of Publicism of V.A. Zhardetskiy)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 339, pp. 85–91.

Kolonitskiy, B.I. (2001). *Simvoliy i borba za vlast. K izucheniyu politicheskoi kultury Rossiyskoi revoliutsii 1917 goda* [Symbols and Struggle for Power. To the Study of Political Culture of the Russian Revolution of 1917]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin. 350 p.

Konev, K.A. (2018). “Soyuzniki” v politicheskikh narrativakh i simvolicheskikh praktikakh antibolshevistskogo dvizheniya na vostoke Rossii (mai 1918 – yanvar’ 1920 gg.). *Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [“Allies” in Political Narratives and Symbolical Practices of the Anti-Bolshevik Movement in the Russian East (May 1918 – January 1920). Author. diss. ... Candidate of History]. Tomsk. 20 p.

Kozlov, A.V. (2008). *Natsional-bolshevizm N.V. Ustryalova: istoki, sushchnost, evoliutsiya. Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [National Bolshevism of N.V. Ustryalov: Origins, Essence, Evolution. Author. diss. ... Candidate of History]. Moscow. 18 p.

Kulakov, V.V., Kashirina, E.I. (2010). *Ideologiya i voenno-politicheskaya struktura Belogo dvizheniya Yuga Rossii (1917–1920 gg.)* [Ideology and Military and Political Structure of the White Movement in the Southern Russia (1917–1920)]. Moscow, Rzh. 120 p.

Kuzmin, S.L. (2011). *Istoriya barona Ungerna: opyt rekonstruktsii* [History of Baron Ungern: Reconstruction Experience]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 659 p.

Lukov, E.V., Shevelev, D.N. (2007) *Osvedomitelnyy apparat beloi Sibiri: struktura, funktsii, deyatelnost* [Informant Establishment of the White Siberia: Structure, Functions, Activities]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 182 p.

Lysenko, E.A. (2007). *Istoriya ideologii natsional-bolshevizma N.V. Ustryalova (1900-e gg. – 1925 g.)*. *Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [History of Ideology of National Bolshevism of N.V. Ustryalov (1900s to 1925). Author. diss. ... Candidate of History]. St. Petersburg. 23 p.

Molchanov, L.A. (2002). *Gazetnaya pressa Rossii v gody revoliutsii i grazhdanskoi voyny (oktyabr' 1917–1920 gg.)* [Newspaper Press of Russia in the Years of Revolution and Civil War (October 1917–1920)]. Moscow. 271 p.

Romanishina, V.N. (2001). *Sotsialnyi sostav i ideologiya Belogo dvizheniya v gody grazhdanskoi voyny v Rossii, 1917–1920 gg.* *Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Social Composition of the White Movement During the Civil War in Russia, 1917–1920. Author. diss. ... Candidate of History]. Moscow. 18 p.

Romanovskiy, V.K. (2006). *Zhiznennyi put' i tvorchestvo Nikolaya Vasil'evicha Ustryalova (1890–1937)* [Life Journey and Creative Work of Nikolay Vasilyevich Ustryalov (1890–1937)]. Moscow, Russkoe slovo–RS. 608 p.

Romanovskiy, V.K. (2007). *Nikolai Vasil'evich Ustryalov: deyatelnost' i evoliutsiya ideino-politicheskikh vozzreniy (1890–1937 gg.)*. *Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [Nikolay Vasilyevich Ustryalov: Activities and Evolution of Ideological and Political Views (1890–1937). Author. diss. ... Candidate of History]. Nizhniy Novgorod. 53 p.

Romanovskiy, V.K. (2010). *Nikolai Ustryalov: ot liberalizma k konservatizmu* [Nikolay Ustryalov: From Liberalism to Conservatism]. Nizhniy Novgorod. 462 p.

Romanovskiy, V.K. (2015). *Deyatel'nost' N.V. Ustryalova v beloi Sibiri v 1919 godu* [Activities of N.V. Ustryalov in the White Siberia in 1919]. In *Izvestiya vuzov. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 6, Issue 4, pp. 288–292.

Romanovskiy, V.K. (2019). *K diskussii o vneshnei orientatsii v kadetskoi partii posle Brestskogo mira: politika “otkrytykh ruk” N.V. Ustryalova* [To the Discussion of External Orientation of the Cadet Party after the Treaty of Brest-Litovsk: Policy of ‘Open Hands’ by N.V. Ustryalov]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. No. 1, pp. 91–96.

Rusakova, E.M. (1969). *Ideologicheskaya rabota Kommunisticheskoi partii v derevne v 1919–1920 gg.* [Ideological Work of the Communist Party in a Village in 1919–1920]. Minsk. 186 p.

Shcherbak, V.M. (1969). *Bolshevistskaya agitatsiya i propaganda (oktyabr' 1917 – mart 1919 gg.)* [Bolshevik Agitation and Propaganda (October 1917 to March 1919)]. Moscow, Vysshaya shkola. 160 p.

Sheremet'eva, D.L. (2011). *Gazety Sibiri v period "demokraticheskoi kontrrevoliutsii" (konets maya – seredina noyabrya 1918 g.)*. Avtoref. diss. ... kandidata istoricheskikh nauk [Newspapers of Siberia in the Period of 'Democratic Counterrevolution' (End of May to Middle of November 1918). Author. diss. ... Candidate of History]. Novosibirsk. 24 p.

Shevelev, D.N. (2017). "Rol' pechatnogo slova v sovremennoi voine ne menshe puli i shtyka...": *Osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitelstv vostoka Rossii (iuyn' 1918 – yanvar' 1920 g.)* ["Role of a Printed Word in the Modern War is no Less Than a Bullet or a Bayonet...": Informant Activities of Anti-Bolshevik Governments of the Russian East (June 1918 to January 1920)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 266 p.

Shilko, K.P. (1975). *Ideologicheskaya rabota Kommunisticheskoi partii v pervye gody Sovetskoj vlasti: oktyabr' 1917 – mart 1919 g.* [Ideological Work of the Communist Party in the First Years of the Soviet Regime: October 1917 to March 1919]. Minsk. 220 p.

Stelmak, M.M. (2016). *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri (mai 1918 – dekabr' 1919 gg.)*. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Image of Foreign Allies of the Anti-Bolshevik Movement in the Printed Media of Western Siberia (May 1918 to December 1919). Dissertation ... Candidate of History]. Omsk. 326 p.

Timofeev, A.G. (2004). *S.A. Auslender v periodike "belogo Omska" (18 noyabrya 1918 – 14 noyabrya 1919): materialy k bibliografii i nesobrannye stat'i* [S.A. Auslander in Periodicals of the "White Omsk" (November 18, 1918 to November 14, 1919): Materials to Bibliography and Uncollected Papers]. In *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. No. 1, pp. 20–37.

Ustryalov, N.V. (1991). *Belyy Omsk. Dnevnik kolchakovtza* [White Omsk: Diary of a Kolchakist]. In *Russkoe proshloe: Istoriko-dokumentalnyi almanah.*, St. Petersburg, Logos. No. 2, pp. 283–338.

Yuzefovich, L.A. (2015). *Baron Ungern: Samoderzhets pustyni* [Baron Ungern: Autocrat of a Desert]. Moscow, Molodaya gvardiya. 456 p.

Zhuravlev, V.V. (2012). *Obraz A.V. Kolchaka v publikatsiyakh S.A. Auslendera* [Image of A.V. Kolchak in the Publications by S.A. Auslander]. In *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sbornik nauchnykh statei*. Novosibirsk, Parallel'. Issue 3, pp. 102–111.

Zhuravlev, V.V. (2015). "Politicheskaya agiografiya" v Grazhdanskoi voine: struktura biograficheskikh tekstov v sisteme vozhdistskogo kul'ta A.V. Kolchaka ["Political Hagiography" in the Civil War: Structure of Biography Texts in the System of the Leader Cult of A.V. Kolchak]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 22, No. 4, pp. 64–70.

Zhuravlev, V.V. (2017). *Poezdka A.V. Kolchaka na front 8–26 fevralya 1919 goda: ideologicheskii dizain* [Trip of A.V. Kolchak to the Front, February 8–26, 1919: Ideological Design]. In *Razvitie territoriy*. No. 4 (10), pp. 24–35.

Zhuravlev, V.V. (2019). *Geroi kak chuzhoi: nekotorye nablyudeniya nad imamografiei A.V. Kolchaka* [Hero as Alien: Some Observations on Imagography of A.V. Kolchak]. In *Novoe proshloe*. No. 1, pp. 48–69.

Статья поступила в редакцию 30.08.2019 г.